



WARHAMMER
40,000

THE EMBRACE OF PAIN

IAN ST. MARTIN

В кошмарном измерении Ока Ужаса реальность сливается с варпом. Это чистилище, в котором обитают отверженные и проклятые. Но даже извращенные существа, зовущие его домом, никогда не могут чувствовать себя в безопасности его капризных штормов. Шторма из вопящих лиц с планету размером возникают из небытия, чтобы тут же исчезнуть в непостоянных течениях. Под истерзанными глубинами чистых эмоций собираются тени: косяки существ, не ведающих ни смерти, ни жизни, расступаются перед огромными левиафанами, которые преграждают свет звезд. Гибель витает повсюду, и чтобы угнездиться, ей достаточно мгновения, малейшего изъяна в самой непоколебимой защите.

«Корона» прорезает себе путь сквозь эти жуткие потоки, и ее корпус, покрытый блеклым пурпуром и жемчужно-серебряным, сияет под защитой поля Геллера. Оно вспыхивает золотым светом под атаками эфира, отражая рои нерожденных, жадных до душ, которые прячутся под железной кожей древнего корабля. Волны демонов врезаются в корпус, но сгорают и обращаются в исходную материю Моря душ, тянущуюся за кораблем, как хвост кометы.

Тысяча двести девяносто шесть безмолвных статуй стоят на зубчатых стенах корпуса. Упругие мышцы и смертоносные когти неподвижных созданий сияют на адовом свету мириадами оттенков. Глаза из платины, безупречного мрамора и дымчатого стекла немигающе смотрят вперед. Взгляды этой отталкивающе-соблазнительной армии сосредоточены на мостике корабля, и даже когда на «Корону» падает тень, они лишь продолжают молча смотреть.

Из ниоткуда рождается новая буря. Гигантская туча гнили расцветает, как зараженное северное сияние, и протягивает к «Короне» раковые щупальца. На корабль обрушивается поток слизи и кровавого гноя, накрывая его целиком, но яд сгорает при контакте с полем Геллера.

Глубоко внутри «Короны» древние машины давятся и сыпят искрами, а стоящие вокруг техноеретики читают молитвы успокоения, пытаются сохранить поле Геллера, подвергшееся имматериальной атаке. Кости корабля дрожат, а сталь хором протестует, пока двигатели стараются вырваться из едкого болота. Коридоры, до сих пор дрожавшие в оглушающем ритме под ослепительные, калейдоскопические вспышки,

вдруг погружаются в тишину и темноту.

Сервы в герметичных костюмах из тяжелой резины спешат по переходам, пугаясь собственных панических возгласов. Обитатели теней приходят в восторг и радостно визжат, видя, как их охотничья угодья наполняются добычей.

В других кораблях, обычно мрачно-молчаливых и тусклых, в такие моменты начинал звучать вой сирен, а коридоры заливало алым светом аварийных ламп. На «Короне» же сигналом тревоги были сумрак и тишина. Что-то пробилось сквозь поле Геллера. Что-то проникло на борт.

Все начинается с одной споры. Сначала она не больше микроба, но сразу же приступает к делению, заставляя морозный воздух на главной посадочной палубе дрожать. Через считанные мгновения она достигает размеров яичной кладки и уже представляет собой зловонную, илистую массу подрагивающего яда. Под запотевшей мембраной извиваются темные существа неопределенной формы. Когда она раздувается больше человеческих размеров, экипаж палубы в ужасе бежит прочь. Блестящая, полупрозрачная плоть растягивается и рвется. Опухолевая масса тянется вверх и взрывается, разбрасывая вокруг гной и гнилую плоть. Мясо сползает с костей кричащих людей, попавших под этот град, но кислота растворяет металл так же легко, как органику, и стены и пол покрываются пятнами. Она разъедает заправочные станции и шкафы с оружием, подрывает склады с боеприпасами и топливные резервуары, и посадочную палубу заполняет огонь и густой маслянистый дым.

Из хаоса выходит дрожащее облако непроглядно черного цвета, состоящее из тысяч блестящих чумных мух, прорвавшихся в реальность. Участки палубы, над которыми они пролетают, ржавеют на глазах. Когда из еды не остается ничего, кроме скелетов, мухи слетаются в плотную массу и врезаются в армированный люк. Металл двери изгибается и шипит, когда их яд проедает пласталь и железо.

Люк не выдерживает и стекает на пол, словно в него выстрелили из мельты. Мухи бросаются в нутро корабля.

Когорта Назике готовится к войне под пронзительным светом оружейной.

Лезвия визжат, касаясь точильных камней, а воины, не соединившиеся со своей броней навсегда, стоят на низких платформах, пока рабы устанавливают на место отдельные пластины. Павшие ангелы употребляют боевые стимуляторы и эфирные алхимические смеси, чтобы оживить полумертвые синапсы перед битвой.

Затем мечники Назике встают нестройными рядами перед платформой, где в одиночестве ждет воин. Глаза, когда-то ярко-зеленые, как леса человеческих предков, а теперь прорезанные черными и красными капиллярами, смотрят с маски из сырых ритуальных шрамов на банду собравшихся воинов.

На банду Люция Вечного.

Люций первый слышит приближение врага: нарастающий гул, который пробивается сквозь раздражающее жужжание силовой брони. Гул, порожденный не машиной, а мором.

Мухи врываются в оружейную через вентиляцию, щели между переборками и решетки пола. Рой сбивается в тошнотворную массу и, игнорируя рычащих легионеров, замирает перед их командиром.

Гнусные, влажные от слизи насекомые теснятся, текут, как черная ртуть, образуя омерзительное подобие человеческого лица. Голосом из могилы оно произносит единственное слово:

– Жду.

Лицо распадается обратно в облако, и то дрожит, когда составляющие его мухи начинают умирать. Тысячи крохотных трупов падают на платформу перед Люцием. Он мгновение смотрит на них с гримасой улыбки на лице.

– Кларион.

Люций знает, что она слушает.

Телепатический ответ приходит в виде по-ангельски мелодичного детского голоса, но слова и тон принадлежат существу, которое старше человечества.

– Повелитель.

– Ты цела?

– Да. Вторжение остановилось на посадочной палубе. Пока. Я чувствую экипаж. Гниль уже затронула их. Она распространится, если ее не уничтожить как можно быстрее.

Люций смотрит на своих воинов. В лучшие времена ему служило больше тысячи, сейчас же Когорта Назике насчитывает чуть более пятидесяти. Оставшиеся представляют собой высокомерных, распущенных убийц – мечников, которых в первую очередь заботят собственные достижения и рабы для удовлетворения вырождающейся жажды извращенных ощущений.

Они жадно смотрят на Люция, готовые по его слову броситься на зачистку «Короны» от вторгшейся чумы.

– Веспатиллон. – Люций поднимает взгляд на ухмыляющуюся маску главаря рапторов, с помощью когтей висящего на потолке вверх ногами вместе со своими товарищами. – Зачисти инжинариум. Убей все, что захочет разрушить наше поле Геллера.

Веспатиллон шипит искалеченными голосовыми связками, подтверждая приказ, и решетка клыкастого шлема делает звук еще более резким и хищным. Раптор спрыгивает, шелестя плащом из полос человеческой кожи, которым придан облик перьев, и покидает зал со своими братьями, оставляя когтями вмятины в полу. Люций перевод взгляд на прочих.

– Чезаре, Аргенион, возьмите десять воинов и обеспечьте безопасность в святилище навигатора. Крецифий, бери остальных и отправляйся на мостик. Я сам разберусь со вторгшимися врагами.

Люций видит, как они напрягаются от неприязни и разочарования. Они уже несколько недель не видели серьезных боев за пределами дуэльных клеток. С тех пор, как Люций наложил мораторий на убийства внутри сильно поредевшей банды, их жажда кровопролития неуклонно росла и уже готова обратиться в бешенство. Закованные в металл пальцы сжимаются на рукоятках клинков, ярко раскрашенные лица искажаются гневом, а из-за замысловатых лицевых пластин, выполненных в форме львиных морд или

открытых орлиных клювов, доносится тихое рычание. Самодовольные охотники за славой; почти все они мечтают о смерти Люция, но обе стороны знают, что им это не под силу, и Люций жестоко улыбается. Никому не одолеть Люция в дуэли, и даже если немыслимое случится, совсем скоро победитель, не способный устоять перед зовом гордости, превратится в очередное кричащее лицо на его броне.

Крецифий держится особенно агрессивно. Люций чувствует амбициозность своего лейтенанта, желание обнажить оружие и силой взять власть, о которой он так мечтает.

– О Вечный, вы должны...

– Должен?

Меч Люция оказывается у горла Крецифия быстрее, чем способен уследить даже трансчеловеческий глаз. Это легендарное оружие с сияющим серебристым клинком, подаренное Люцию самим Фениксийцем. Перед тем, как бросить своих Детей, он показал галактике, что даже примархи могут умереть. Люций склоняет голову набок.

– Скажи же мне, что я должен? Неужто это было начало приказа? – Кровь течет с острия в горжет лейтенанта, и улыбка Люция становится шире. – Дорогой брат, мне кажется, что ты перепутал себя со мной.

Их мрачный аптекарий Чезаре кладет руку на наплечник Крецифия и говорит спокойным голосом:

– Брат.

Люций с разочарованием смотрит, как Крецифий, мгновение помедлив, отворачивается и утешает уязвленную гордость, зло выкрикивая приказы остальным воинам, направляющимся на мостик. Люций провожает их взглядом и позволяет себе отвлечься на мгновение и насладиться интересной горечью, которую испускает его банда.

Но эта демонстрация нужна не только для того, чтобы получить мимолетное удовольствие. Крецифий и остальные воины Когорты Назике показали Люцию, что несмотря на все, что они потеряли на службе самому молодому богу, у них еще достаточно способности чувствовать, чтобы его

ненавидеть. Их синапсы, почти отмершие после всех бесчинств в Оке Ужаса, на ненависть пока способны.

Убрав меч в ножны и спустившись с платформы, Люций выходит из зала, давя ботинками трупы мух, и направляется к посадочной палубе.

Нет в варпе созданий, которых Люций ненавидел бы больше, чем слуг Чумного бога. Твари со сломанными лицами и телами, усеянными недоразвитыми конечностями, бегут и бредут к нему, оставляя за собой следы из гноя и соломенно-желтой жидкости. У демонов численное преимущество, но их хромое, неритмичное наступление даже близко не подходит к стадии атаки. Он не видит смысла обнажать меч и легко уклоняется от массивных конечностей и острых когтей, попутно разглядывая полыхающие руины, в которые превратилась посадочная палуба. Эти ничтожества не могли пробить поле Геллера в одиночку; кто-то держит их здесь – и именно этот «кто-то» бросил ему вызов в оружейной. Вдруг Люций слышит за стенами демонов и жужжанием саранчи, как его вновь зовет голос из могилы:

– Радуйся. – Дым и рой насекомых рассеиваются, открывая взгляду горбатое существо в вычурной, но ржавой броне. – К тебе пришло время чумы.

Существо приближается, ступая медленно и тяжело и опираясь на боевую косу, которая в длину больше его роста. Люций замечает среди потоков слюны и скоплениями поддрагивающих бубонов осыпающиеся символы Четырнадцатого легиона.

– Гвардия Смерти.

Демоны расступаются перед чемпионом, почтительно кланяясь. Люций опускает руку к мечу и ухмыляется.

– Боюсь, что не согласен. Твой омерзительный сброд превратил мой корабль в горящее помойное ведро! На то, чтобы избавиться от твоей вони, уйдут недели.

Чемпион сдавленно смеется, едва не задыхаясь, но его грудь не

поднимается. Под полуразрушенным шлемом виден раззявленный безгубый рот.

– Бессмысленно бороться с истиной, когда она уже укоренилась.

Меч уже в левой руке Люция, а шипастый демонический хлыст обвивается вокруг правой. Яд капает с шипов. Улыбка из иглоподобных зубов становится еще шире.

– Гвардия смерти, значит. Давно я твоих братьев не встречал. Мы знакомы?

– Возможно, когда-то это тело воевало за трон лжи рядом с тобой. Но это уже неважно. Это в прошлом. Здесь нет больше никакого Гвардейца, а есть только мы. Мы, вечный мор, предвестник вселенской истины разрушения. Мы – конец, который ждет все сущее, даже тебя, мечник.

Люций расплывается в воздухе; он так быстр, что за ним почти невозможно уследить. Хлыст со свистом разрезает воздух, обматывается вокруг косы и вырывает ее из рук чемпиона. Сияющий меч устремляется вперед и погружается в темную от грязи линзу над левым глазом. Он прорезает болезную плоть и гнилую кость, после чего выходит из затылка, покрытый чем-то зловонным и блестящим.

Атака проведена идеально. Но чумной чемпион на нее не реагирует.

Люций с ревом пытается выдернуть меч, но покрывающая его жидкость затвердевает, удерживая оружие. Хлыст бьется в судорогах, чернея по всей длине от ядов куда более сильных, чем в нем самом. Из разрушенного шлема доносится медленный, сдавленный смех.

– Я вижу цепи, которые сковывают тебя, подчиняя твою судьбу прихотям ребенка. Когда-то он был твоим покровителем, но оставил тебя. Ты – как умирающий, что борется бактериями, пожирающими тело изнутри. Но твои попытки слабеют, и скоро ты околеешь. Гниль возьмет всех.

– Даже по моим меркам ты слишком много болтаешь.

Люций рычит. Он упирается шипастым ботинком в надутый живот Гвардейца, изгибает спину и вырывает меч. Клинок разрубает голову чемпиона надвое, выбрасывая вверх фонтан зловонной жижи. Серия

быстрых как молния взмахов вскрывают ему грудную клетку, еще один отнимает руку у локтя. Вторую хлыст вырывает из плеча. Из зияющих ран вываливаются куски гнилого жира и мокриц, покрытых жесткими черными волосками.

Чемпион ни на мгновение не перестает смеяться.

– Да тебе это нравится... Похоже, у нас с тобой все-таки есть что-то общее.

– Мы существуем за границей боли и удовольствия. Мы поднялись выше этих мимолетных явлений. Они есть, но нашего внимания не стоят. Эфемерность плоти отступает перед вековечной стойкостью чумы и силой увядания.

Люций прыгает вперед и направленным сверху вниз взмахом разрубает Гвардейца Смерти от ключицы до паха. Черная кровь льется на палубу. Тело тяжело опускается на землю и раскрывается с хрустом рвущихся сухожилий.

– Стойкость, как же...

Теперь смех грохочет из пастей всех чумных демонов вокруг одновременно со смехом их повелителя. Словно услышав безмолвный приказ, они сбегаются к нему, наваливаются на останки и вползают внутрь.

Истекая гноем и прочими зловонными жидкостями, они сливаются в одного гигантского монстра. Из массы выделяются толстые, как стволы, конечности, тысячи глаз и щелкающих зубами миножьих ртов вылезают на теле размером с дредноута.

Составной демон нависает на Люцием. Палуба трясется от его шагов.

– Наслаждайся последними глотками воздуха, мечник – ты и твои высокомерные последователи. Саван жизни скоро спадет. Ты стоишь у самого конца дороги, которая ведет к безмятежности могилы. – Он протягивает к нему конечность из бурлящей демонической плоти. – Дедушка давно следил за тобой. Он стремился заманить тебя поближе, чтобы ты узнал истинную сущность вечности. Позволь показать ее тебе. Позволь перевести тебя через эту грань.

Люций бьет мечом по протянутой руке. Обрубок падает на палубу и разделяется на трех демонов, которые с хихиканьем ныряют обратно в общую массу. Конечность восстанавливается с шелестом гнилого жира и хрустом ломающихся костей.

– Ты отправишься в могилу – волей или неволей!

Люций кидается в сторону, когда массивный кулак опускается на палубу и оставляет в ней вмятину. Он собирается сделать выпад вперед, но замирает. Пальцы, сжимающие рукоять меча, сопротивляются, словно невидимый марионеточник дергает за сухожилия, как за нитки. Мимолетная потеря концентрации едва не стоит ему головы: кулак демона проносится в сантиметрах от его лица. Люций рычит, сжимает меч крепче, и спазмы проходят.

Он вновь обращается к демону, стоящему у штурвала его корабля.

– Кларион, мы вышли из шторма?

– Да, повелитель. Едва.

Люций прыгает в сторону, уклоняясь от очередной тяжелой атаки.

– Открой врата на посадочной палубе. Немедленно.

– Как прикажете.

Гигантские люки на противоположном конце палубы наполняют пространство визгом металла, поднимаясь и открывая взору пустоту космоса. От вакуума Люция отделяет лишь мерцающее атмосферное поле.

Демон покачивается. Его трупная плоть чернеет и дымится, когда на нее падает свет от поля Геллера. Люций кувырком поднимается на корточки и вгоняет меч в палубу на полклинка.

– Давай!

На палубу врывается тишина.

Демон дергается, пытаясь за что-нибудь ухватиться, но шторм

декомпрессии уже уносит его в пустоту. Плоть Люция замерзает и немеет в тишине, в то время как гигантское давление пытается разрушить броню. Он крепко держится за меч, свою опору, а демон между тем вылетает за пределы «Короны». К нему устремляются золотистые и алые лучи – и демон гибнет в огне корабельных орудий.

Тишина покидает сознание Вечного, когда на него разом набрасываются заточенные души всех его убийц. Они всегда с ним, но теперь, когда битва закончилась, они атакуют с удвоенной силой, проклиная и моля.

Атмосферное поле вновь оживает, а люки с грохотом опускаются на место. Люций разминает конечности, сбрасывая лед с брони. Онемение вакуума сменяется привычным онемением реальности.

Еще одна победа. Еще один враг, не сумевший одолеть Люция Вечного. Люций встает и взмахивает мечом, сбрасывая с клинка остатки грязи. Затем поднимает его к лицу и проводит острием по сетке бледно-красных шрамов, пока не находит один из немногочисленных участков нетронутой кожи. Он не чувствует меч, пока тот не задевает кость черепа. Он не чувствует, как расходится плоть и как теплая кровь льется по лицу, пока рождается новый шрам. Когда-то он испытывал ощущения во время ритуала – личного способа воздать честь поверженному врагу, – но с тех пор прошло много лет.

Люций некоторое время стоит в одиночестве. Он опускает глаза на свою руку и видит, как сверхъестественные силы сражаются под кожей за контроль над ней.

– Дело становится хуже...

Он переводит взгляд на безмолвную пустоту, где сейчас царит такой редкий в Оке, такой мимолетный покой.

На палубе стоит тишина, и только страдающие души кричат в голове, да измученно скрипит железо, да слышится далекий смех из могилы.